

Как раз когда Себастьян завершил свой рассказ, в комнату вошел Артур, глубоко погруженный в свои мысли. Он поставил перед Себастьяном кружку чая. Тот кивнул в знак благодарности, но улыбка так и не появилась на его лице. Тяжесть событий, которые он собирался поведать, давила на него. Артур сел на свое место, нахмурившись, глядя на жену. — Садись, Молли, — тихо попросил он. Молли вскрикнула, ее гнев бурлил, словно вулкан. Она стояла, напряженная, руки подняты, словно для защиты. — Ты собираешься это слушать? — прошипела она, ее голос дрожал от ярости. — Они используют Гарри в своих интересах! Глаза Себастьяна сузились. Его уважали не просто так, и оскорбление его чести лишь усилило его гнев. Эта женщина не понимала, с каким огнем она играет, и как близка к тому, чтобы сгореть — в буквальном смысле, если Флер даст ей такую возможность! — Я бы предложил вам, мадам, — прорычал он, его голос был ледяным, — сесть и закрыть рот. Или вы слишком глупы, чтобы узнать правду? Молли хотела возразить, но Артур оборвал ее. — Хватит! — отрезал он. — Сядь, Молли! Она нахмурилась, тяжело опустилась в кресло, а Артур повернулся к Себастьяну, его лицо было мрачным. — Лучше бы это было хорошо, Себастьян, — сказал он, его голос был напряженным. — Мне не нравится, как ты разговариваешь с моей женой. Себастьян приподнял бровь. Комментарий был лицемерным, исходящим от человека, чья жена, очевидно, имела привычку выкрикивать оскорбления в адрес школьников посреди общественных обедов. Что бы она ни получила, это было вполне заслуженно, насколько он мог судить. Но он решил проигнорировать этот выпад, у них были более важные дела. — Мы начнем с неуважения, проявленного вашей женой сегодня утром, Артур, — сказал он, его взгляд был твердым, пронзительным. — И сегодня здесь не будет лжи. Давайте войдем в память и увидим все своими глазами. Я бы посоветовал тебе быть внимательным к Арри. Артур кивнул, а затем бросил на Молли каменный взгляд, требующий повиновения. Это была одна из причин, по которой Себастьяну нравился этот человек: обычно он казался добродушным, даже несколько неуклюжим, но когда он был серьезен или злился, люди — включая его собственную жену — старались держаться от него подальше. Временами он был невероятным актером. Молли неохотно, но все же подчинилась, хмуро глядя на Себастьяна. Ничего не было сказано, пока они погружались в воспоминания, наблюдая за происходящим. Разговор за гриффиндорским столом был легким и приятным, и при других обстоятельствах Себастьян нашел бы эту тему забавной; в то утро Гарри был на удивление в хорошем настроении. Но затем раздался ревун, и они увидели, как начинается резня. Лишь быстрая сообразительность Флер предотвратила окончательную катастрофу, но этого все равно было недостаточно. Гарри слышал каждое слово, и его реакция была не очень хорошей. Каждая новая атака ревуна была подобна очередной пуле из маггловского пистолета, поражающей его прямо в сердце. Было совершенно душераздирающе наблюдать за тем, как Гарри разбивается, словно раскрученное стекло. Когда они вышли из воспоминаний, наступила недолгая тишина, и Себастьян заметил, что, хотя Молли и выразила сожаление по поводу реакции Гарри, она все еще не сдвинулась с места. Он чувствовал, что ему предстоит нелегкая битва с этой женщиной, а если понадобится, то, возможно, даже придется ее забыть. Такая перспектива его не радовала. — Как вы видели, Зе был сдержан против моей дочери, — сказал он наконец, его тон был спокойным и смертоносным. — Но Арри тоже член моей семьи, и я не имею в виду это метафорически. — Я уверена, что он справится, — нахмурилась Молли. Артур побледнел от ее слов, видимо, не понимая всей серьезности произошедшего. Себастьян медленно повернулся к ней, в его глазах пылал гнев. — Неужели ты и вправду такая бессердечная? — угрожающе прошептал он, протягивая руку, чтобы выбрать другое воспоминание в богато украшенной чаше. — Неужели ты действительно так бессердечна? Неужели ты не знаешь, какой была жизнь этого мальчика? Нет? Тогда я вам покажу! И с этими словами он выхватил их руки и без предупреждения погрузил их в сито, стараясь держать себя в руках, чтобы не выдать того, что им вскоре предстоит увидеть. — Не трогай меня! — прошипела Молли, быстро отдергивая руку. Себастьян проигнорировал ее. — Это воспоминание, — тихо сказал он, — относится к тому времени, когда Арри было всего пять лет. Оно было взято прямо из головы Вернона Дурсли. Смотрите и

учитесь. Уизли благоразумно молчали. Воспоминание, которое выбрал Себастьян, было одним из самых ужасных. Они наблюдали за тем, как из его комнаты, которая оказалась шкафом для метел, вывели маленького Гарри, одетого в одни лохмотья. Сегодня у маленького Гарри был день рождения, и его разбудили в пять утра, чтобы "отпраздновать". Они наблюдали, как Вернон Дурсли говорил ему, что приготовление пищи теперь входит в его обязанности. Он обильно использовал такие слова, как "никчемный" и "урод". А затем он схватил маленького Гарри за заднюю часть штанов и буквально швырнул его на кухню. Дверь в это время была закрыта; мальчику повезло, что она не была заперта. Они смотрели, как Вернон преследовал его, чтобы властвовать над процессом, и наблюдали, как пятилетний Гарри случайно уронил яйцо и наклонился, чтобы убрать его — и был наказан ударом по ребрам, который привел к звучному щелчку. Они наблюдали, как все еще стоический Гарри продолжал пытаться... и пытаться... и пытаться. К концу воспоминаний у именинника были сломаны две конечности — рука и нога, несколько ребер и многочисленные ожоги второй степени. А потом его бесцеремонно бросили обратно в шкаф с приказом "лечиться". Этого было достаточно, чтобы вызвать рвоту, и когда они вернулись к кухонному столу, оба Уизли едва не сделали это. Он позволил суровому молчанию длиться еще долго, пока он доставал из кармана пальто знакомую папку и бросал ее на столешницу перед Молли.

<http://tl.rulate.ru/book/91949/2968018>